

Константин Станюкович

Событие

«Морские рассказы»

Константин Станюкович

Событие

«Public Domain»

1902

Станюкович К. М.

Событие / К. М. Станюкович — «Public Domain»,
1902 — («Морские рассказы»)

Содержание

I	5
II	7
III	8
IV	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Константин Михайлович Станюкович

СОБЫТИЕ

I

В шестом часу дня к подъезду большого дома на Песках подъехал один из его жильцов – господин Варенцов. Это был блондин среднего роста, лет тридцати, одетый скромно, без претензий на шегольство и моду. Но все на нем было аккуратно и чистенько: и пальто, и фетр, и темно-серые перчатки.

В этот теплый августовский день Варенцов вернулся со службы не в обычном настроении проголодавшегося чиновника. Оно было приподнятое, возбужденное и слегка торжественное.

Варенцов соскочил с дрожек, вынул из портмоне две монетки, внимательно осмотрел их – те ли – и, вручая их извозчику из «ванек», не без довольной значительности в скрипучем голосе сказал:

– Я, братец, прибавил!

«Чувствуешь?» – казалось, говорили серо-голубые глаза.

Извозчик «почувствовал», но не очень от прибавки пятак. И, снимая шапку, сделал льстивое лицо и проговорил:

– Ехал, слава богу, на совесть! Еще бы прибавили пятак, барин хороший!

– Прибавил, а ты клянчишь! стыдно, братец! – возмущенным и строгим тоном произнес Варенцов и вошел в подъезд.

Пожилой, худой и грязноватый швейцар Афиноген, судя по истрепанной ливрее и замаранной фуражке, несколько не заботившийся о своей представительности, встретил Варенцова сдержанно, тая в душе серьезное неудовольствие против жильца.

Еще бы! Платит только рубль в месяц жалованья, на рождество и пасху дает по рублю, на чай хоть бы раз гривенник, никуда не посылает и не поощряет попыток на разговор.

Афиноген, жадный на деньги и объяснявший, что копит их единственно на «предмет женитьбы», хотя и не думавший о ней, вел упорную усмирительную войну против Варенцова и его жены.

Дверная ручка их квартиры не чистилась. Письма и газеты дня по два вылеживались в швейцарской. Непокорных жильцов, возвращавшихся домой после полуночи, Афиноген не без злорадства выдерживал на морозе у подъезда минут по пяти. Гостям Варенцовых, спрашивавших: «Дома ли?» – он врал ради педагогического воздействия, по вдохновению. Ничего не действовало.

Имевший определенные и довольно мрачные воззрения на супружескую верность и семейное благополучие жильцов, Афиноген старался найти какой-нибудь козырь против Варенцовых. Но все его тайные разведки были напрасны.

И обманутый скептик и скопидом решил, что восьмой номер «очень аккуратен вокруг себя». Однако оружия не сложил, надеясь, что какая-нибудь «штука» да должна обозначиться. Тогда эти единственные непокорные жильцы в доме «войдут в понятие» и будут платить швейцару по-настоящему.

– Есть что? – спросил Варенцов.

– Почтальон только что подал! – официально-сухо ответил швейцар, подавая Варенцову повестку на заседание какого-то благотворительного общества.

– Писем нет?

– Подал бы...

Варенцов все-таки открыл ящик столика, у которого всегда дремал или читал газету швейцар. Затем взглянул на почтовый штемпель полученного конверта и, аккуратно положив в карман повестку, стал подниматься наверх.

Виктор Николаевич Варенцов жил в пятом этаже почти два года и никогда не находил, что высоко. Напротив, говорил, что наверху воздух лучше и подъемы полезны. Здоровый, с хорошо развитой грудью, он поднимался свободно, легко и ровно дыша. Но сегодня Варенцов подумал вслух: «Высоковато...»

Для кого – так и не досказал.

Он отворил двери своим ключом, бережно повесил пальто, смахнув с него паутину, положил шляпу на подзеркальный стол, сперва смахнув с него пыль, и перед зеркалом оправил свои густые, коротко остриженные, светло-русые волосы, волнистую бородку и мягкие небольшие усы.

Зеркало отразило чистенькое, пригожее лицо, свежее и румяное, дышавшее здоровьем. И весь он был чистенький в скромном пиджачке, с пестрым галстуком на высоком воротничке, стройный, крепкий и сухощавый, с белыми руками и обручальным кольцом на безымянном пальце.

Виктор Николаевич бросил взгляд на маленькую прихожую, потянул воздух красивым прямым носом и поморщился.

«Кухней пахнет, да и прихожая мала!» – решил Варенцов.

Проходя ровной неспешной походкой через гостиную, Варенцов и ее оглядел. И, словно бы заметив, что обстановка плохонькая и мебель потертая, подумал: «Не мешало бы обновить. Лина мечтает об этом!»

С этой мыслью Варенцов вошел в «уголок» Лины, как называла она часть большой спальни за драпировкой, – с мягкой, обитой светлым кретоном ¹ мебелью, зеркальным шкафом, этажеркой с книгами и несколькими фотографиями писателей на простенке над простеньким письменным столом, на котором стояли в хорошеньких рамах фотографии мужа, детей и родных.

---

¹ Кретон – плотная хлопчато-бумажная ткань из окрашенной пряжи, часто с набивным рисунком.

II

На пестрой тахте сидела, поджавши ноги, с журналом в руке молодая женщина лет под тридцать в полосатой юбке и яркой блузке.

Она была очень интересна, свежая и недурная собой, с неправильными чертами оживленного и умного лица, с роскошными, отливавшими рыжиной, каштановыми волосами, собранными на темени в пучок тяжелых кос, с красивым пышным бюстом, тонкой талией и полными сочными губами, из-под которых блестели ровные, мелкие и острые, как у мышонка, зубы.

Варенцов особенно крепко и значительно поцеловал маленькую, холеную руку с несколькими кольцами на мизинце и одиноким обручальным на безымянном.

Не поднимая с книги глаз с крупными веками и длинными ресницами, Лина слегка и небрежно потрепала щеку Варенцова и сказала:

– Иди мой руки. Сейчас велю подавать!

Ее властный, повелительный голос с красивыми низкими нотами не был особенно ласков. Молодая женщина поднялась с тахты и приятельски-равнодушно взглянула на мужа. Но в то же мгновение пристальный и острый взгляд ее блестящих и выразительных красивых глаз впился в глаза мужа. И она спросила:

– Надеюсь, никаких неприятностей, Вики?

Уже сама возбуждаясь необычным выражением лица Вики, не выждав его ответа, молодая женщина нетерпеливо прибавила:

– По твоим глазам вижу, что что-то случилось... Говори, Вики.

– Именно случилось, Лина... И нечто неожиданное...

– Ну... Что ж молчал?..

– Только что хотел, Линочка... Без тебя не решил... Как ты на это взглянешь... После обеда мы основательно переговорим... обсудим... А теперь в двух словах...

– Да говори же!.. Говори эти два слова! Вот мямя! – раздраженно крикнула Лина.

И в ее загоревшихся глазах блеснуло что-то высокомерное, презрительное и насмешливое.

– Дай же договорить мне, Лина. Ты не даешь... И не кричи, ради бога, на весь дом.

– Государственная тайна!?

– А все-таки пока не проболтайся.

– Разумеется... Да говори же, Вики!

Понижая голос, Варенцов несколько торжественно и в то же время смущенно проговорил, как обыкновенно говорят чистенькие люди, впервые совершающие что-то очень важное для личного своего счастья и благополучия и в то же время понимающие и еще чувствующие, что они делают и что-то предосудительное.

– Сегодня Козлов вызвал меня и предложил перейти к нему...

– К нему?.. – изумленно уронила Лина, не зная еще, радоваться или нет...

Но на всякий случай прибавила:

– Он, кажется, человек недурной.

– Да... с правилами, Лина. Ты понимаешь, как был я огорошен неожиданным предложением... Очень значительное и самостоятельное место и... приличное... Шесть тысяч жалованья и тысяча наградных... Впереди, Лина, может быть, блестящее положение... И власть и крупное содержание... Я обещал завтра утром дать Козлову ответ... Что ты думаешь, моя умница?

III

«Умница» вспыхнула, охваченная радостью.

«Кто бы мог ожидать?.. И такое место!» – подумала в первую минуту Лина.

Но в следующее мгновение Вики уже вырос в ее глазах и словно бы сделался героем. Ее любовь к нему как будто осветилась в новом сиянии нежного и поэтического ореола, и Лина почувствовала, что раньше недостаточно ценила и его и его любовь до обожания. Но зато какая она безупречная жена. Не то что другие.

Лина не без горделивой радости вспомнила, что за семь лет супружества она не только ни разу не изменила Вики, но у нее нет на совести даже серьезного флирта... А случаи были, когда Вики уезжал на два месяца.

И молодая женщина чувствует себя в эту минуту счастливой. И оттого, что она такая хорошая женщина, и оттого, что Вики – маленькая звезда и будет большой, и все еще такой влюбленный красавец муж, слушающий ее советы, и оттого, что впереди новая обеспеченная жизнь...

«О, как будет хорошо!» – хотелось ей крикнуть. И в ее голове пролетали быстрые, меняющиеся в сочетаниях, как в калейдоскопе, картины новой жизни, без лишений, мелких забот и грошовых расчетов, без писания рассказов ради гонорара и несправедливых и унижительных отказов печатать их в журналах. Изящный комфорт, уют квартиры, поездка за границу, англичанка для мальчиков, элегантные костюмы, эстетические удовольствия, новые впечатления, новые знакомства, капот как у Балетта на сцене, «уголок», в котором напишется новый талантливый рассказ, завистливые лица приятельниц, прелесть мирного очага, влюбленный Вики, батистовые рубашки с кружевными кокетками, деятельное участие в «Защите детей», реферат о нем, общий восторг, знакомство с выдающимися артистами и литераторами, хорошенькая дача, заново отделанная спальня с пушистым ковром во всю комнату, качающимися роскошными кроватями, электричеством и с ванной рядом, прогулки пешком, думы и размышления, чтение серьезных книг, библиотека, хорошие переплеты... «О чем Вики задумывается? Мог бы сегодня дать согласие!»

Но вдруг на радостное лицо Лины набежало облачко... Она вспомнила, что и Вики и она с либеральными взглядами и из недовольных, и Вики, когда был еще гимназистом, пострадал в заключении, как Лина хвастала, называя заключением недельный арест Вики в части. Вики осторожнее, а Лина решительней, но оба порицали беспринципных людей, которые ради земных благ шли на всякие компромиссы. Вики женихом и в первые годы часто и обстоятельно говорил, что реформы необходимы и что закон, какой бы он ни был, должен строго соблюдаться... И Лина повторяла его слова и даже шла дальше, требуя на журфиксах изменения законов, – ведь она была из радикальной семьи: покойный отец был профессор, уволенный за строптивость, а покойная мать сама сделалась стропливой из любви к отцу...

Все это пронеслось в голове Лины, и она подумала, что недаром же Вики называл свою службу «чистенькой» и говорил ей, что все же можно не очень поступаться независимостью «чистенького» человека и не сознавать себя пешкой. И Лина, хотя и жаловалась, что Вики мало получал, и делала ему сцены, но на журфиксах фрондировала вместе с недовольными и гордилась, что Вики принципиальный человек. Оттого такому идеальному работнику и не дают хода... Держат на трех тысячах, а бедный засиживается до поздней ночи...

Но мало ли что говорится? Взгляды меняются. Нищие прав... Надо себя любить. Надо о детях подумать.

Теперь Лине кажется, что многие прежние взгляды были непродуманными.

И она трусит... А что, если Вики...

Но Лина быстро соображает, что Вики не откажется от счастья. Надо только поощрить и успокоить Вики...

Это – долг любящей жены.

IV

- Что я думаю, милый?
- И голос и глаза Лины ласкали.
- Да, Линочка...
- Я уверена, что ты и на новом месте останешься честным и независимым человеком.
- Надеюсь, Лина. А все-таки...
- Но, Вики! – порывисто воскликнула Лина, перебивая Вики. – Ведь если тебе не понравится... твоя чуткая совесть возбудится, ты можешь уйти...
- Разумеется, ушел бы...
- И без места не останешься... Такого умницу и работника везде примут... Об этом нечего и беспокоиться, Вики...
- Пожалуй, что так...
- И не забудь одного, милый! – проговорила Лина с такой серьезной проникновенностью и горячностью, словно бы то «одно», что скажет Лина, – главный и важнейший аргумент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.